

ГЕКТОР ШУПЫЦ
МОЙ ДРУГ — ДОМОВОЙ

Гектор Шульц

Мой друг – домовой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69012895

SelfPub; 2023

Аннотация

Соседи бывают разные. Кому-то везет, кому-то нет. Мне же повезло по полной, потому что моим соседом стал самый настоящий домовой, превративший мою жизнь в комедийный сериал. В этом сериале нашлось место и смеху, и грусти, и бесконечным проделкам вредного и ехидного домового. Но я ни о чем не жалею, потому что без Нафани моя жизнь была бы очень пресной.

Содержание

Глава первая. Квартирка на Чистых прудах.	5
Глава вторая. Нафаня.	16
Глава третья. Внезапная находка.	27
Глава четвертая. Сюрприз.	37
Глава пятая. Новый питомец.	44
Глава шестая. Аристократические замашки.	55
Глава седьмая. Панк, как образ жизни.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Гектор Шульц

Мой друг – домовой

Привет вам, мои читатели.

Скажите, а вы верите в сверхъестественное? В злых духов, домовых, леших, чертей или вампиров. Верите? Да, вы можете сказать, что автор тронулся умом и пишет непонятные вещи, но вопрос остается.

Я вот верю. Не спешите крутить пальцем у виска. Кто бы мог подумать, что представитель человечества, верящий в технический прогресс и торжество науки, вдруг будет вызывать на дом священника или обходить комнаты с церковной свечкой и заунывными молитвами.

Речь обо мне, если что. И о моем сверхъестественном соседе. Однако обо всем по порядку...

Глава первая. Квартирка на Чистых прудах.

Исполнилась моя давняя мечта. Я купил квартиру. Свою собственную квартиру. Пусть маленькую и в старом доме, но я все равно был счастлив.

Квартира располагалась на Чистых прудах, почти в самом центре Москвы. Старенький дворик, словно сошедший со старинных почтовых открыток советской эпохи, был тихим и очень опрятным. В центре дворика красовалась новая детская площадка, которую оккупировали детишки разных возрастов, а на редких парковочных местах, словно в музее, располагались новейшие шедевры автомобилестроения. Неудивительно, кем были соседи, в общем-то. В остальном это был обычный, маленький и тихий дворик.

Улыбаясь, я смотрел на этот дворик из окна теперь уже своей квартиры на пятом этаже. Толстенький риелтор заискивающе на меня поглядывал и изредка вздрагивал, услышав шорох или непонятный скрип. В старых домах всегда что-то шуршит или скрипит, но меня это не пугало, в отличие от риелтора.

— Ну, как вам, Андрей? — спросил он, присев на маленький табурет и вытирая мокрую от пота лысину батистовым платочком.

– Очень мило, – вновь улыбнулся я. – Странно, что эту квартиру никто не взял до меня. Центр города, цена хорошая. Даже удивительно, если честно.

– Мы особо не афишировали. Квартира освободилась от прежних хозяев недавно, проводочки с документами, – риелтор почему-то покраснел и маленькие порсячьи глазки забегали туда-сюда. – Повезло, так сказать.

– Это точно, – хмыкнул я. – В таком случае, спасибо еще раз, Лев. Осталось вещи перевезти...

– Да, конечно. Поздравляю вас. Так, я что-то слишком навязчив. Дела давно сделаны и хозяину не терпится осмотреть свои владения, а я тут о глупостях всяких. Номер мой у вас есть. Если что – звоните, – хитро улыбнулся Лев. Да уж. Странное имя для такого персонажа. Родители порой веселятся по полной, совершенно не задумываясь, каково будет ребенку жить с таким-то именем.

Я проводил риелтора, запер за ним дверь, после чего достал пачку сигарет и, закулив, задумался о прошлом.

Расскажу вам немного о себе. Зовут меня Андреем вот уже двадцать семь лет. Я австрийских кровей, но рожденный в России человек. Спасибо далекой родне. Давным-давно они покинули Австрию, переехав в маленький городок на юге России. Я несказанно удивился этому, когда дорос до возраста не пускать слюни и что-то бубнить под нос, а задавать вполне адекватные вопросы родителям.

Родня поехала за счастливой жизнью, да так и осталась здесь, влившись в новый мир. Так что родители мои были вполне обычными, ну а спустя пару лет после их знакомства родился я. Неугомонный искатель приключений на свою пятую точку. Детство, школа... Все, как у всех.

Закончив школу, я решил поехать в Москву. Искать университет и строить свою собственную жизнь, ибо сидеть у родителей на шее не собирался. Поступив на исторический факультет МГУ, я самозабвенно отдался учебе и любимой с детства истории. Университет после продолжительного и довольно нервного боя предоставил мне одно место в общежитии, куда я немедленно и переехал. Шесть лет пролетели, как один миг, и за годы учебы я обзавелся новыми друзьями, знакомствами и даже случайными подработками. Москва постепенно овладевала моей душой и становилась домом.

И вот наступил момент, когда я, держа в руке небольшой дорожный чемодан с заботливо упакованными вещами и дипломом, ступил в новую жизнь. Жизнь в ответ вздохнула и заботливо сняла с меня розовые очки.

Поиски работы, жилья и средств на существование обрушились на меня снежным комом. Хорошо, что помогли друзья. Я нашел комнатку в коммуналке, довольно дешевую и с безобразными соседями, увлекающихся шансоном, жаркой рыбы в два часа ночи и выяснением отношений. Классика. Но, по крайней мере, у меня теперь была крыша над головой.

Затем, посидев пару вечеров за газетой объявлений и вы-

дув пачку дешевого черного чая, я принялся налаживать свою жизнь.

Разумно рассудив, что историк никому и даром не нужен, я принялся осваивать новое и довольно модное занятие, более известное, как дизайн. И самое забавное было в том, что новое увлечение очень легко давалось мне. Ландшафтный дизайн, интерьерный, 3D-моделирование, – все это наполнило мою жизнь новым смыслом и новыми эмоциями. Ну а природная усидчивость и внимание к мелочам скоро сыграли свою роль. Меня приняли штатным дизайнером в одну известную компанию в самом центре столицы.

Дальше – интереснее. Мой проект по ландшафтному дизайну маленького провинциального городка внезапно выиграл грант. И вот я с кучей денег на своем счету принялся искать квартиру.

Знаете, нет ничего лучше своей собственной квартиры. Без странных соседей, постоянных дебошей и грязного, вечно занятого другими туалета. И, о, чудо. Такая квартирка нашлась в одном из агентств Москвы по смешной цене. Я не поверил своим глазам, когда увидел объявление в интернете, на сайте одного из крупнейших агентств недвижимости.

– «Квартира на Чистых прудах. В самом центре культурного центра. Пятый этаж. Мебель...», – хмыкнув, я набрал номер агентства, ожидая услышать стандартное: «Продано. Но знаете, есть и другие варианты». Однако, квартира реаль-

но существовала.

Месяц волокиты по государственным конторам, счета, комиссии, разрешения и вот я — хозяин собственной квартиры. Правда удивило то, что риелтор вел себя как-то подозрительно. Он постоянно хватался за сердце, бледнел и испуганно кривился, услышав скрип половиц или шорох. Подумав, я списал это на волнение и с чистой совестью подписал все бумаги, благо, что юрист моей компании, Яков Сергеевич, клятвенно заверил меня, что с недвижимостью все чисто.

И теперь, проводив риелтора, я обходил свои владения. Квартирка была милой. Старый дом, построенный еще в революцию, хранил сотни воспоминаний в своих стенах, как и каждая квартира. Внутри моей обнаружилась необходимая мебель, а на кухне мягко ворчал старенький холодильник «Орск». Правда был один минус. Окна.

Большие окна, выходящие во двор, были покрыты толстым слоем пыли и несколькими грязноватыми слоями краски, из-за чего даже форточку открыть было невозможно. В итоге основательно потрудившись и чуть не пропоров себе ладонь отверткой, я открыл одну створку и впустил свежий воздух. Затем набрал номер Сашки. Своего друга.

Богатенький парень, у которого в жизни было все, что он только желал, привязался ко мне еще на первом курсе университета. Начитанный и умный, Сашка привлек мое внимание, и дальнейшая жизнь проходила при его участии. Мы

вместе убегали от полиции, возвращаясь пьяными после очередного рок-концерта. Встречали дни рождения и Новый год. Беззлобно подкалывали друг друга и делились советами, когда встречались с девушками. Сашка помогал мне деньгами, когда я, сняв первую комнатку, сидел на диете из растворимых супов и черного чая. Он всегда был рядом, готовый прийти на помощь.

Высокий, полноватый, с большими голубыми глазами и пшеничными волосами, Сашка походил на персонажа русских былин. А громкий голос был его визитной карточкой. Сашку можно было услышать и за тридевять земель.

– Салют, дружище, – раздался в телефоне его голос, возвращая меня в реальность. – Уже в квартире?

– Ага. Слушай, помоги мне перевезти вещи, а? Вообще желания нет тащиться на метро со всеми баулами. Для такси много, а для грузчиков мало. А я пока приберусь немного.

– Конечно! Не вопрос, – мгновенно откликнулся он. – Я заберу все и подъеду. Скидывай адрес. Запасной ключ у меня есть.

Я продиктовал Сашке адрес и нажал на «отбой». Вздыхнув и оглядев кучу грязи, я быстро накинул куртку и отправился в магазин. Нужно взять все необходимое для уборки, а потом за эту самую уборку и приниматься.

Звонок в дверь через час, заставил меня подняться с колен. Бросив тряпку в ведро с грязной водой, и вытерев руки

чистым полотенцем, я открыл другу дверь.

– Ого! – присвистнул Саша. – Не квартира, а сарай! Там декабристов в кладовке нет?

– Эй! – возмутился я. – Да, грязновато малость, в ней вообще какие-то маргиналы жили до меня. Помог бы лучше.

– Уже, дружище, – заулыбался он и, выйдя на площадку, кого-то позвал. – Заходим, парни, заносим.

В квартиру гуськом вошел целый табор неизвестных личностей. Личности несли в своих руках запакованные коробки с моими вещами, мебель в количестве двух табуретов и складного стола, да пару сумок с одеждой. Сашка, как обычно, решил все сделать по-своему и вызвал грузчиков. Ну а последней в квартиру вошла Кристина.

Кристина – моя однокурсница и по совместительству, девушка моего лучшего друга Сашки. Небольшого роста и с торчащей челкой фиолетового цвета, Кристина была великой сплетницей, какую только видывал свет. Она знала всё и обо всём.

– Кристин, не ожидал! Рад видеть, – я чмокнул девушку в щеку и посторонился, пропуская в коридор.

– Привет, – улыбнулась она в ответ, по-хозяйски закатывая рукава. – Ну-с, с чего начнем?

Я виновато развел руками. Убирать нужно было всё и вся. Мне порой казалось, что в квартире лет сто никто не жил, настолько она была грязной, но вспомнив, кто жил до меня, все становилось понятно. Однако от мыслей меня отвлек верный

товарищ. Сашка уже переоделся и держал в руке оранжевую тряпку.

– Командуйте, мон генераль, – друг хлопнул себя ладонью по груди. – Солдаты готовы к уборке.

Спустя четыре с половиной часа, мы усталые, но довольные, сидели на небольшой кухоньке и потягивали чай. Квартира была убрана так, что все буквально сияло. Осталось лишь помыть окна, но я решил самостоятельно этим заняться, друзья и так помогли. Сашка пускал колечки дыма под потолок, Кристина потягивала горячий чай, а на газовой плите в это время закипал мой старенький, весьма закопченный тысячами костров чайничек, расставаться с которым я не желал.

– Спасибо вам, – устало улыбнулся я. – Не представляю, что бы я делал. Точно с ума бы сошел.

– Ничего бы ты не делал, Андрюха, – веско заявил Сашка и, ухмыльнувшись, добавил. – Лежал бы на пузе посередине комнаты и стонал, как ленивый верблюд в пустыне.

– Вот еще! – возмутился я. – Кристин, можно я твоему бойфренду подзатыльник дам? Что-то он умничает не по делу.

– Валяй, – кивнула Кристина. Саша посмотрел на свою даму взором Юлия Цезаря. – Ему не помешает.

– И ты, Кристинка, – трагично проворчал друг. – Коварная женщина...

Девушка наклонившись, сама отвесила благоверному легкий шлепок. Сашка засмеялся и, поднявшись с табуретки, сладко потянулся.

– Ладно, смех смехом, но нам пора. Оставим Андрейку одного с его новой квартирой. И грязными окнами. Хе-хе.

– Уже?

– Ага, – кивнул Сашка и шепотом добавил. – Едем знакомиться с гнездом гарпий.

– Я все слышу! – рывкнула Кристина из прихожей. – Не смей называть моих родителей гарпиями!

Я лишь улыбнулся и вышел проводить друзей. Поцеловав Кристинку в щечку и хлопнув Сашку по плечу, я закрыл за ними дверь. И осмотревшись, не смог сдержать довольной улыбки. Моя квартирка. Как же долго я этого ждал.

Разложив все вещи и помыв окна, я бухнулся на маленький кухонный табурет и, вздохнув, проворчал:

– Уф. Неужели все?!

Квартира убрана, на часах девять вечера. Да, мебели маловато, но это дело наживное. Главное, что сегодня я буду спать в своей комнате. В своей кровати. И никто меня не разбудит утром истошным криком или лязгом сковородки с подгорелым пловом.

Улыбнувшись, я открыл банку пива и, прислонившись к подоконнику, сделал широкий глоток. Сизые клубы дыма, оставленные Сашкой, таинственно клубились у лампы, на-

полняя душу уютом и теплом. Пока кое-что не привлекло мое внимание.

Нахмурившись, я увидел на полу большую, розовую соску. Розовой ее можно было бы назвать с большой натяжкой. Покрытая жирным слоем грязи, соска была довольно потрепанной и, казалось, что ей лет двести, не меньше.

– Вот те раз, – удивился я. – Как это я пропустил такое чудо?

Соска полетела в мусорное ведро рядом со столом, где ей самое место. Я же поставил банку на сто и, повернувшись, остолбенел.

На полу передо мной стояло нечто. Нечто было покрыто грязной и спутанной шерстью. Отвисшая сальная майка грязно-серого цвета висела на довольно пухлом тельце, а большие, темные глаза, мрачно мерцающие из-под опущенных бровей, внимательно меня осматривали. Мясистые губы существа приоткрылись в ухмылке.

– Здрав будь, барин. Ну и чего вылупился? Домового не видал никогда? – пробасило нечто, забираясь на табуретку и кладя мохнатые ладошки на стол. – У тебя самогонка есть? За знакомство надобно выпить. О, еще и соску мою выкинул, аспид...

Я заорал, как женщина при виде мыши, и бросился к выходу из кухни. Правда, нога зацепилась за ведро, и я полетел головой прямиком в стену. От сильного удара заломило в висках, а в глазах заплясали красные демонята. Последним,

что я увидел, перед тем, как потерять сознание, было волосатое нечто, склоняющееся надо мной.

Глава вторая. Нафаня.

Я пришел в сознание на свежевывытом полу и обнаружил, что заботливо укрыт старым шерстяным пледом. Но стоило только приподняться, как голову пронзила чудовищная боль. В висках шумели и стучали молотки горных троллей, дико хотелось пить, а в голове полный кавардак. Однако на кухне, кроме перевернутого мусорного ведра, ничего не обнаружилось. Вздыхнув, я поставил на огонь маленький чайник и покачал головой.

– Ага. Домовой, как же! – налив кипяток в чашку, я зазмурился от пряного аромата цветов и мяты. Ох, люблю я мятный чай.

– А мне? – раздался неожиданный, но весьма знакомый голос. – Или ты энтот, как его? Эгоист-единоличник?!

Я повернулся на звук голоса. Сердце, замерев, забилось с утроенной частотой. На табурете, как и вчера, сидело странное и волосатое нечто. Меня тут же бросило в холодный пот, а в животе что-то испуганно булькнуло, когда нечто улыбнулось, показав желтые клычки.

– Ты это. Только не падай в обморок, – попросил гость, легонько постучав мохнатой ладошкой по столу. – Я тебя не пугать пришел, барин, а познакомиться. Кто ж знал, что ты зубами скрежетать начнешь, а потом в стену лбом убьешься?

– Ты кто, блин, такой?! – прошептал я, вжимаясь в стену.

– Я – домовой. Забыл уже, али стена у тебя все мысли выбила? – сварливо ответило существо. – Я тут живу. Вот и пришел знакомиться с новым хозяином. А новый хозяин падает в обмороки и визжит будто ему ногу отдавили.

Голос у существа был скрипящим и немного писклявым. Домовой растягивал слова и забавно ойкал на манер типичного крестьянина из далекой деревни. Сидя на табурете, он болтал маленькими ножками и с любопытством рассматривал меня. Я опасливо потянул из пачки сигарету дрожащими пальцами, и это не укрылось от внимания незваного гостя.

– Мне тоже дай, – потребовал домовой, протянув мохнатую ладошку. Я прошептал ругательство, смотря, как он тянется к пачке. – Вот же счастья привалило. Новый хозяин и тот припадочный.

– А ты не обзывайся, чудище неведомое, – буркнул я, понимая, что мне это не кажется и с головой вроде все в порядке, если исключить легкую боль в лобной части. Я подвинул пачку к гостю и добавил. – Бери сам. Только ко мне не приближайся.

– Это я-то чудище неведомое? – удивился домовенок. – А по лбу не хочешь? Или в лоб? Как, кстати, правильно?

– Никак. Не хочу в лоб, стены хватило, – честно признался я. Домовой невнятно что-то хмыкнул, взясь с зажигалкой. – Что ты делаешь в моей квартире? Только не говори, что я сошел с ума.

– Не сошел, барин. Все по-настоящему, – сверкнул глазами домовой. – Я тут живу. Уже почитай, как сто лет. Может и больше, не помню. Дом-то старый. А ты, чьих будешь?

– Чьих? – удивился я. – В смысле?

– Вот неразумный, а, – покачал он головой. – Кто таков, спрашиваю. Как тебя зовут?

– Андрей, – пробормотал я, не отрывая от домового взгляд. Тот соскочил с табурета, и смешно семеня ножками, направился ко мне.

– Нафанаил, – серьезно заявило существо, протягивая ладошку. Я с опаской ее пожал, машинально отметив теплоту и мягкость. – Очень приятно, барин. Надеюсь, подружимся и ты об стены убиваться перестанешь. Петька, старый сосед, такой идиот был, мама моя. Постоянно пьянствовал, а как напьется, давай зеркала крушить и ругаться матом на меня. Мол, я какая-то горячка там.

– Белая? – подсказал я, поднимаясь с табурета и перебираясь ближе к окну. Домовой кивнул.

– Во, во. Она самая. А шо это такое, барин?

– Болезнь. На почве алкоголизма, – я засомневался, а не болен ли я.

– Ну, нет. Я не такой, как эта горячка. Я настоящий.

– Слушай, Нафанаил. Мне тут на работу пора, – соврал я, бросив взгляд на часы. – Если не приду, то будут ругать. Понимаешь, нет?

– А я тебе чего? Иди, барин, – захохотал домовой, высо-

ывая лиловый язык, кончик которого мигом исчез в левой ноздре. – Я же не нянька тебе, слава Боженьке. Ступай, а я за домом присмотрю. Ты мне только сигарет оставь. Ох, истосковалась моя душенька по табачку-то. Прошлые-то хозяйева...

Я пулей вылетел из квартиры, схватив ключи и сумку с документами. И только оказавшись на улице, я решился взглянуть наверх. Все было спокойно, в отличие от того, что творилось внутри. Правда голову продолжали терзать вопросы, главным из которых был: «что мне теперь делать»?

Рассказать о домовом в полиции значило упрячь себя в психбольницу, друзья бы не поверили, о родителях и думать не стоило.

– Библиотека! – осенило меня. – Вот там наверняка найдется информация, как сладить с домовым.

Улыбнувшись, я поправил сумку и помчался в библиотеку, перепрыгивая редкие лужи.

Пожилая библиотекарьша удивленно уставилась на меня, когда я подлетел к стойке со странной просьбой дать книги о домовых, и как от них избавиться. Подивившись, она все же ушла в большой зал по соседству, чтобы спустя пару минут вынести стопку книг, которые смогла найти.

Я поблагодарил ее и, заняв свободное место, погрузился в чтение...

– «Мифический хозяин дома, обеспечивающий порядок

и здоровье семьи...»

– «Шумит, грохочет вещами, бормочет...»

– «Взъерошенный вид, добродушный, защитник...»

– «В христианстве злой дух... Выгоняют священники...»

– «Может вредить тому, кого не полюбит... Душитель...»

Оторвавшись от книги, я взлохматил волосы. В одной из книг указывался заговор, как с помощью простой свечи из церкви выпроводить домового. Не сказать, что я верил в успех этого метода, но попробовать стоило. Сейчас поверишь, чему угодно.

Забежав по пути в церковную лавку, я купил одну свечу и направился домой с самыми твердыми намерениями, изгнать домового из квартиры. Это мой дом, и я не отдам его какому-то чумазому духу.

Быстро поднявшись на пятый этаж, я аккуратно открыл дверь ключами и прошел в темный коридор, после чего прислушался. В квартире царила тишина и я достал из кармана заранее приготовленный листочек с заговором и свечу. Зажег ее и, медленно идя вперед, принялся читать написанное.

Текст был нелогичной бредятиной, над которой современный человек лишь посмеется. Однако я верил в то, что это поможет. Верил всей душой. И домовый не показывался, что несомненно было добрым знаком. По крайней мере, я на это надеялся.

Но стоило зайти в комнату, как я поперхнулся. Злой дух

висел на люстре в позе ленивца и показывал мне язык.

– И что ты там читаешь, Андреюшко? Ходишь, как тать, со свечкой по квартире. Завываешь, – домовый передразнил меня своим писклявым голосом. Я же покраснел от смущения и с трудом сдержался от грубости, хотя Нафанаил продолжал издеваться. – Господь тебе поможет, дитятко. Ой-ёй. Свят-свят-свят, едрить тебя за нос!

– От тебя хочу избавиться, обрзина ты волосатая, – набравшись смелости, крикнул я. – Это моя квартира и какой-то дух тут жить не будет! Сим заклинаю тебя – сгинь!

В меня тут же полетела лампочка, а разозленный домовый, повиснув на люстре, грозил мне кулачком, причем его глаза страшно мерцали красными углями.

– Я тебе, барин, жопу нарумяню! – ругнулся домовый. – Ишь ты, будет он тут командовать! Моя квартирка, так-то! А ну пшёл вон отседова! УХ! УХ!

Увернувшись от второй лампочки, я выскочил в коридор, а затем и из квартиры, заметив, что домовенок схватил старую швабру, прислоненную к стене, и бросился на меня.

Стоя на площадке, я слышал, как дух лупит со всей мочи по двери черенком, и вопит, словно безумный.

– Ну ладно, – хмыкнул я и побрел вниз. – Сам напросился. Открыв тяжелую дверь небольшой церквушки, расположенной по соседству с домом, я вошел внутрь. Тяжелый запах горящих свечей и благовоний витал в спертom воздухе. Редкие прихожане, потупив очи, стояли перед иконами, по-

грузившись в одном им понятные мысли. Осмотревшись по сторонам и заметив священника, я поборол природную робость и направился к нему. После чего, дождавшись, когда он закончит с прихожанами, попросил разговора наедине.

– Да, сын мой, – голос священника напомнил мне буйного домового. Я помотал головой, прогоняя странные мысли, и тяжело вздохнул. – Что тебя гложет?

– Понимаете, у меня дома кто-то живет. Он называет себя домовым.

– Домовой? – улыбнулся священник, причем в его глазах я увидел насмешку. – Как он выглядит? Как ведет себя?

– Грязный, лохматый, ругается, – перечислил я. – Драться бросается. Чуть шваброй не отлупил сегодня. Вы можете его изгнать? Я заплачу. Сколько скажете.

– Хорошо, завтра я буду у вас, – священник встал, но я вцепился в его рясу.

– Я домой попасть не могу! – воскликнул я. – Помогите сегодня, а?

– Ох, сын мой. Нетерпение не есть добродетель, но так и быть, – он нахмурил брови и добавил более благосклонно. – Оставь адрес и после службы я приду.

Я ждал священника в подъезде, не рискуя зайти в квартиру, где сидел разозлившийся домовый с грозной шваброй. Расскажи кому, не поверили бы. А Сашка и вовсе бы на смех поднял.

Но увидев поднимающегося по лестнице священнослужи-

теля, я выдохнул с облегчением. Тот кивнул мне и, глубоко вдохнув, повелел открыть дверь.

Священник, пройдя внутрь квартиры, сразу же принялся распевать какие-то молитвы и махать кадилом, из которого струился робкий дымок. Я с надеждой направился за ним следом, попутно гадая, что делать, если домовый сейчас выскочит из-за угла со шваброй.

Войдя в зал, священник остановился и спросил меня, вижу ли я домового. Я отрицательно мотнул головой и пожал плечами. Служитель кивнул и продолжил свой таинственный обход. У меня начала кружиться голова от звука его голоса и запаха благовоний, а потом послышался знакомый голос.

Домовой важно и чинно следовал за священником, держа в руках швабру и распевая матерные частушки. Я вздрогнул от неожиданности, но духа это лишь позабавило. Он, обернувшись, хохотнул и показал мне мясистый язык.

– Батюшка. Он прямо за вами, – промычал я. – Кривляется и машет шваброй.

Служитель развернулся и долго смотрел на домового, показывающего ему фиги и неприличные жесты, но нападать злой дух не спешил. Странно. На меня-то он кинулся сразу.

– Ничего не вижу. И не чувствую, – признался священник. Нафанаил бурча что-то, погасил кадило, вызвав у священника улыбку. – Вот и все. Скоро он уберется отсюда.

Я с сомнением посмотрел на священника и сидящего у его

ног домового.

– Ладно, спасибо, что пришли, – я выдавил самую доброжелательную улыбку и, открыв кошелек, дал священнику несколько купюр за оказанную услугу.

Чуть позже сидя на кухне и потягивая чай, я мрачно смотрел на домового. Дух хохотал и косолапо ходил по кухне, пародируя недавнего гостя.

– И ты подумал, что этот пузырь меня прогонит? – веселился домовенок. – У него же пузо, как у бегемота. Да и врал он все, мол чувствует что-то. Петька тоже монаха раз приволок, так я монаху рясу порвал. Эх, видел бы ты, как они бежали по ступеням. Вот потеха-то...

– Ты меня не оставишь в покое, да? – спросил я Нафанаила. Тот кивнул и гаденько улыбнулся.

– Я тут живу, барин. И коли ты тут теперь хозяин, будем жить вместе. Идет? Я так-то славный, ты не подумай плохого, – умильно посмотрев мне в глаза, ответил он.

– Ты голоден? – спросил я домового. – Или ты вообще не ешь? Я как-то с домовыми раньше не общался.

– Голоден, барин. Ох, голоден. Приготовь мне жаркого доброго, да чарку пива заморского, – кивнул мохнатый чревоугодник, загибая толстые пальцы.

– А икры на хлебушке не дать? – огрызнулся я в ответ, открывая холодильник. – Яичницу пожарю. Будешь?

– Буду, – насупился дух, но любопытный нос в холодильник все же сунул.

Я принялся жарить яичницу. В принципе, кроме яиц и сосисок в холодильнике ничего не было. Посыпав пышущее жаром лакомство небольшим количеством зелени, я добавил сосисок и поперчил перед подачей. Домовой уже глотал слюнки, сидя за столом, и откуда-то вытащил пыльную тарелку.

– Э, нет. Так не пойдет, – я покачал головой и взял тарелку, чтобы сполоснуть её от векового слоя пыли. – Марш руки мыть!

– Докомандуешься, Андреюшко. Вот возьму и душить начну, – пробурчал тихо домовой, но направился в ванную. То, что злой дух меня слушался, вселяло надежду.

Придя обратно, он показал мне свои ладошки, которые чище явно не стали. Я удовлетворенно хмыкнул и поставил перед ним тарелку с яичницей. Домовой принялся медленно есть, старательно пробуя еду на вкус.

– Что, давно не ел? – улыбнулся я. Дух кивнул. – Кушай. Приятного аппетита.

– Спасибо, барин, – прослезился домовой. – Хороший ты, Андреюшко. А я хотел тебя шваброй отлупить.

– И, слава Богу, что не сделал этого, – буркнул я. – И вообще. Нафанаил – странное имя, как по мне.

– Имя, как имя, – привстал со своего места домовенок и внимательно на меня посмотрел. – А ты, чего, по-другому

меня назвать хочешь?

– Ага. Будешь Нафаней, – засмеялся я, вспомнив любимый в детстве мультик. – Звучит получше.

– Нафаня, – повторил домовой, улыбнувшись толстыми губами. – А мне нравится, барин. Ласково так, теплышко.

Сидя на кухне, я смотрел, как ест Нафаня, и удивлялся чудесам, что со мной приключились. То, что с домовым скучно не будет, я уже понял. Как понял и то, что мохнатый грубиян с этого момента стал моим соседом.

Глава третья. Внезапная находка.

Так и началась моя жизнь с новым соседом. Он – барабашка. Он же полтергейст, он же дух неупокоенный, он же домовой. Я зову его Нафаня, ибо от его истинного имени можно зубы сломать.

Будучи небольшого роста, Нафаня напоминает собаку породы «мопс». Те же большие глаза и рот, как и страсть к храпу. А еще у него на шее болтается розовая соска. Старая и повидавшая многое. Где Нафаня ее взял или украл неизвестно. Но он категорически не желает с ней расставаться, даже когда укладывается спать в шкафу или в кресле. Кровати домового категорически не признает, называя «буржуйскими штучками».

А еще буйный дух любит тяжелую музыку, и когда я включаю один из альбомов нежно любимой мной группы «Удав-ка», Нафаня мотает лохматой головой в такт жестким риффам и довольно лыбится. Забавно, но его циничный сволочизм порой сменяется добротой, малоподходящей для каноничного домового. Конечно, у Нафани бывают трудные дни, когда он ходит букой и постоянно ругается, а то и комментирует каждое мое действие в особой, язвительной манере. Но в целом он вполне сносный сосед, учитывая, с кем порой приходится снимать квартиру. Самое странное же было в том, что Нафаня не мог сказать ничего путного о своем

происхождении.

Я выяснил, что домовый это просто душа, оставленная Богом на земле, чтобы следить за местом или за определенным человеком. Но дух ничего не помнил из своей прошлой жизни. Он лишь сказал, что сам выбирает, показываться человеку или нет. Правда, чем его так прельстила моя персона, непонятно, а сам домовый на этот вопрос предпочитает отмалчиваться и загадочно сверкает глазами. Кроме меня видеть его могут дети до определенного возраста и домашняя живность.

Польза от него тоже есть. В квартире не текут трубы, мусор исчезает мгновенно, везде порядок и чистота. Пока Нафаня не впадает в запой. В эти моменты лучше никого домой не приводить, ибо злой дух начинает негодовать и может запустить в голову гостю ночной горшок, в котором стоит его любимый кактус.

Моя жизнь с Нафаней похожа на сериал, что в изобилии крутятся на сотнях телеканалов. Только мой сосед – злой дух. Все реальнее некуда. И так получилось, что именно я помог духу найти одну крайне занятную вещь, проливающую свет на историю его появления.

Дождливый субботним утром, когда весь прогрессивный люд мирно отсыпался в своих кроватках, отходя от рабочей недели, Нафаня надоедливо теребил мою руку:

– Хозяюшко. Хватит дрыхнуть. Бидный Нафаня продрог, бидный Нафаня оголодал и питался одними тараканами.

– Отстань, жутька! Я сплю. Выходной же. Иди и возьми себе в холодильнике морковку или сосиску, – сонно пробурчал я.

– Едрить тебя, барин! – взбеленился домовой. – А ну как я тебе мусора в кровать накидаю, или льда пойду из морозилки нагребу? По-хорошему прошу! Накорми Нафаню!

Я уже проснулся и, хмуро посмотрев на духа, побрел в туалет. Нафаня, как верный пес, остался караулить около двери, периодически царапая её коготками.

– Андрейка, хватъ тебя за ногу да головой об стену! Ты что вчера ел? – ехидно прогудел из-за двери барабашка.

– Отвали, Нафаня. Отвечаю, я священника позову, чтобы он обряд экзорцизма провел. Только на сей раз удачно. Надоел ты уже, – зевнул я, когда старенькая газовая колонка достаточно нагреет воду для умывания.

– Священники мне не помеха. Я крещенный и в Боженьку верую, – не унимался дух.

Когда я вышел из туалета, смерив гнома тяжелым взглядом, Нафаня, взвизгнув, помчался следом на кухню. Кто бы знал, какого соседа я себе найду, умер бы от зависти.

– Что ты хочешь, бабай? Салфетку сопли подтирать?

– Сам ты бабай. И нос у тебя огромный. И глазки пороссячи, – Нафаня обиженно закусил толстую губу, поглаживая свою соску, висевшую на груди. Однако с кухни никуда не ушел, лишь злобно засопел.

– Я просто спать хочу. А тут ты надоедаешь, – вздохнул

я. – Так чего ты хочешь?

– Андреюшко, я хочу яишенку с салом на сковороде каленной. Да с перчиком душистым, – понесло вредного духа. Глаза Нафани затуманились, а из рта на подбородок стекла тягучая слюна.

– Каков гурман. Сейчас будет. Там, кстати, под раковиной подтекает. Глянь по дружбе, пока я готовлю, – я не остался в долгу, зная, что Нафаня за яичницу сделает все, что нужно. Все-таки полезно домовых держать в узде.

– Не вопрос, Андрейка, – вредный дух знал, что я не люблю такого обращения, но сдерживался крайне редко, предпочитая язвить напропалую.

– Назовешь меня Андрейкой еще раз, я тебе в яишенку горчицы добавлю, – Нафаня горчицу люто ненавидел и корчил такие морды, что голливудские комики удавились бы от зависти.

– Твоя взяла, – буркнул домовый и поплелся в ванную устранять поломку, попутно почесывая свой мохнатый зад.

Яичница весело шкворчала на сковороде. Тучи разошлись и в окно било яркое солнышко. Я цедил горячий кофе и улыбался, наслаждаясь утром. Пока из ванной не явилось нечто, возмущенно сверкая глазами. Нечто было в паутине, грязи и мазуте.

– Нафаня! Ты где так изгваздался?!

– Молчи, аспид, – Нафаня в кои-то веки был серьезен. – Там труба прохудилась, гнилая вся. Нужно новую ставить.

Вот ее купишь, и я все почию.

– Не ребенок, а золотце. А я тебе яичницу сделал. Твою любимую, на сале с перцем. Без горчицы, – я решил-таки порадовать домового, который выглядел необычайно жалко и, грустно шмыгая носом, пытался очистить от грязи соску.

Мохнатая морда расплылась в улыбке, и домовый с воем кинулась ко мне. В мановение ока моя белая майка стала носить отпечаток безумно грязного Нафани. Опять стирка. Как и всегда.

Скинув майку в корзину для белья, я переоделся в чистую одежду и собрался в магазин, по привычке крикнув духу из коридора:

– Наф, тебе что-нибудь купить?

– Свежий Playboy и пачку «Беломора», – откликнулся тот из ванной, гремя железками.

Я вздохнул. Страсть Нафани к голому женскому телу порой удивляла. Но хуже всего был «Беломор». Домовой дымил, как паровоз. Ужасный запах впитался намертво в его шерсть, и даже хваленная «Шаума» не помогала. Лишь ценой трех яичниц и угроз мне удалось убедить его курить на балконе. Без «Беломора» не обходился ни один его день. Мои же сигареты дух ехидно называл зубочистками, предпочитая дымить свои папироски.

Спустя час я вернулся из магазина, держа в одной руке пакеты с продуктами, а в другой новую трубу. В недрах квартиры гремел метал, пахло канализацией и сыростью. Нафания

под любимую музыку разбирал трубы, пытаюсь ликвидировать протечку.

– Нафань! – я тщетно пытался перекрычать стереосистему. – Выруби своих идиотов!

– Зачем?! – не менее истошно завопил в ответ барабашка. Слух у него был, как у летучей мыши.

Чертыхнувшись, я сбросил пакеты в коридоре и, войдя в комнату, выключил орущую стереосистему. Тишиной мне дали насладиться ровно одну минуту, пока из ванной не пришел Нафаня. Весь в грязи, с «беломориной» в зубах.

– Кирдык труба, шайтан ее.

– Нафань, давай по-русски? – устало попросил я, потирая висок.

– Труба, говорю, прохудилась. Залатать не удалось. Давай новую, пойду ставить, – дух улыбнулся в свои двадцать четыре зуба и дыхнул на меня вонючим желтым дымом. И так всегда. Стоило уйти из дома, как домовый тут же нарушал правило о курении.

– Сейчас помогу. Погоди, переоденусь, – я закрыл дверь, отправив домового в ванную, и достал из-под кровати коробку с рабочими вещами.

Спустя десять минут мы с Нафаней начали прилаживать новую трубу, пока дух не выругался:

– Что за окаянный аспид тут трубы ставил? Пальцы чуть не покарябал, – Нафаня всегда странно разговаривал, но в

этот раз ругнулся как-то слишком витиевато.

– Давай посмотрим, – я отодвинул домового от дыры в стене и просунул туда руку.

Через несколько минут возни мне удалось вытащить наружу странный железный ящичек. Довольно увесистый, пусть и ржавый. На ящике был кованный и очень старый замок. Отложив находку в сторону, я увидел, как загорелись глаза Нафани.

– После того, как поставим трубу! Сначала ремонт, потом сокровища! – покачал я головой. Нафаня не стерпел и показал мне язык.

Однако приунывший домовый, поняв, что со мной спорить бесполезно, плюнул и полез в разлом с новой трубой. Не знаю как и почему, но мастером Нафаня был отменным, на раз устраняя поломки. Будто у всех домовых мастерство в крови. Этот раз не стал исключением. Нафаня вылез из дыры, парой взмахов мастерка залепил отверстие и буркнул:

– Готово, барин.

– Золотце, – ответил я и указал рукой на раковину. – А теперь мыться!

– Да вот еще... – возмутился было дух. Я цыкнул на него, открыл кран и горячей водой принялся смывать с себя грязь. Наф, проворчав что-то ругательное, все же присоединился ко мне. Он влез на свой ящичек и, намыливая свои мохнатые

ладошки, не переставая косился на таинственный ящик.

После отмывания рук, преимущественно Нафаниных, мы уехали в спальне, предварительно вооружившись инструментом. Старый замок поддался под кусачками и развалился на две аккуратные половинки. Затаив дыхание, я осторожно открыл ящик.

Внутри лежала шкатулка и пожелтевшие бумаги, обернутые тканью. Нафаня, обычно раздающий всюду свои комментарии, сейчас задумчиво молчал, поглаживая соску. Хмыкнув, я вытащил шкатулку. Открыть ее не получилось. Пришлось взять находку с собой, чтобы на кухне аккуратно подцепить замок изнутри ножом. Нафаня же уселся на пол и подтянул к себе бумаги.

Нож помог. С тихим щелчком замок открылся, а я, не веря, протер глаза. Внутри аккуратными столбиками лежали монетки из желтого металла. Покрутив одну в руках, я ужаснулся. Золото! И николаевский профиль на «орле». «Это же целое состояние» – подумал я. И с диким криком кинулся в комнату:

– Нафанька! Не поверишь! Там куча золота...

Войдя, я резко остановился, увидев, что домовый, понурившись, сидит на полу. Глаза его поблескивали. Кажется, Нафаня плакал.

– Нафань, что такое? Что случилось? – я присел на край кровати.

Дух молча протянул пачку бумаги из ящика. Это были фотографии.

На первой фотографии я увидел красивую молодую пару с маленьким ребенком на руках. Фото было очень старым, но лица можно различить. Оно было сделано в тридцатых годах прошлого века. В уголке была видна дата. На следующей фотографии оказался круглощекий мальчонка с лягушачьей улыбкой и озорным взглядом. На его груди висела большая соска. Еще это знакомое выражение лица...

– Подожди. Это что же получается, соска твоя же, – хмыкнул я. Мысли спутались.

– Это я, барин. И мои родители. Я был человеком, оказывается, – Нафаня трубно высморкался в грязный батистовый платок, с которым не расставался. – Это мой дом. А ящик... Ну, родители спрятали там самое дорогое. Кто же знал, что мы это найдем, а?

Опустившись на колени, я обнял своего соседа. Тот без лишних слов уткнулся мне в грудь и принялся тихо покусывать.

– Нафань, так это твое получается. Деньги и фото. Я не могу... – я двинул шкатулку и фотографии домовенку.

– И что мне с этим делать? Только ты меня видишь. Как я буду ими пользоваться? Но фото заберу. Уж извиняй, барин, – он грустно улыбнулся. – А тебе вот. Эти монетки. Пусть они принесут тебе счастье, если не смогли принести

маме и папе.

Мы засиделись на кухне допоздна. Нафаня дымил свой «Беломор», а я изредка кашлял, если меня обволакивало дымом, но молчал, понимая, что очередная ссора будет лишней.

– Андреюшко. Ты же меня не бросишь? – тихо спросил Нафаня. – Ну, я гадкий... ругаюсь еще.

– Вот те раз. Что за мысли дурацкие? – улыбнулся я, поглаживая домового по спине. Тот расплылся в довольной улыбке.

– Повезло мне, что ты тут объявился, барин. Хороший ты, – прослезился Нафаня, после чего прыгнул с табурета, сунул подмышку Playboy и ехидно добавил. – Я баиньки в шкаф.

– Дуй уже, – рассмеялся я. – Не увлекайся только.

Показав мне язык, домовый, семеня ножками, поплелся в гостиную. А я, вздохнув, взял в руки стопку найденных фотографий. Вопросов было много. Но почему-то я был уверен, что со временем появятся и ответы.

Глава четвертая. Сюрприз.

Нафаня любит чудить. В этом, кажется, весь смысл его существования. Беспокойный дух-пакостник, которого славяне старались задобрить блинами, сметаной, горячими супами и свежей выпечкой, стремительно эволюционировал в некое подобие современных людей. Почти такой же, как и все. Но со своими тараканами.

После того, как мы нашли заветную коробочку с золотыми монетами и Нафаниной фотографией в младенчестве, домовый загрустил. Я старался ему помочь, но дух упоенно хлестал водку по утрам и докучал своими слезливыми комментариями, если я отказывался пополнять запасы.

Как-то утром я проснулся от жуткого шума, доносившегося из кухни. Шум походил на одну из песен Rammstein. Скрипучий голосок, срываясь на фальцет, выводил на корявом немецком «Левой, левой».

– Нафаня! Ты оборзел?! – заорал я, скидывая одеяло.

Шум прекратился, послышался цокот коготков и в дверном проеме появилась лохматая голова домового. Вместе с ним в комнату проник и тяжелый смрад перегара.

– Андрейка, швайн! – оскалился пьяный дух. – Гебен зи мир айне папиросен!

Мгновенно ему в голову полетела подушка.

– Ты чего творишь?! – моему изумлению не было преде-

ла. – С каких пор у нас Раммштайн по утрам? А?

Нафания тем временем залез на люстру. К слову, люстра была из благородного хрусталя, сворованного, кажется, из царского особняка. Огромная и жутко старая. Дух любил на ней качаться, как в люльке, не боясь грохнуться на пол.

– Айн шлос, Андрейка! Ихь вас мюдэ траума, – Нафания нес околесицу, переставляя немецкие глаголы так, как ему хотелось.

– Какая траума, осел ты эдакий? Что на тебя нашло? – насупившись, спросил я, смотря на домового.

– Грусть меня снедает, барин. Безродная я скотинушка, никому не нужная, – завыл он, раскачиваясь на люстре.

И так всегда, как напьется. Я начал привыкать к Нафаниным капризам, но порой он становился совсем уж невыносимым и на любое слово сразу впадал в неконтролируемое буйство.

– Кончай концерт. Мне-то ты нужен. Был бы не нужен, давно бы упаковал тебя в мешок и отволлок в зоопарк, – но домовый в ответ затянул любимую песню.

– Выла вьюга, не было огня,

Когда мать родила бедного миняя.

Срываясь на фальцет и утирая слезы, он продолжил петь:

– По приютам я с детства скитался,

Не имея родного угла.

Ах, зачем я на свет появился,

Ах, зачем меня мать родилааа!

Я молча дослушал песню, затем, покрутив пальцем у виска, оставил пьяного тенора висеть на люстре в позе ленивца, а сам пошел на кухню.

На кухне был бардак. Из кастрюль домашней сделал ударную установку, половник был педалью, бас – бочкой выступал здоровенный чугунок. На столе валялась разорванная пачка Беломора, пустая бутылка водки и одинокий огурец в Нафаниной шерсти. В кухонном магнитофоне, убавленном на минимальную громкость, шелестел певец о тяжелой судьбе шахтера, которого не любят женщины. Выключив музыку, я принялся наводить порядок, попутно поставив на огонь чайник. Нафаня тихо вошел на кухню через несколько минут, потупив очи в пол и являя собой истинное раскаяние.

– Барин, это, прости меня, а? Пробрало вот Нафанюшку, грустинка напала проклятая...

– Надоел ты своими пьянками. Я же не устраиваю такое по поводу и без? Вот возьму и съеду, а ты живи, как желаешь, с бродягами всякими. Авось и сопьешься с ними, – раздраженно ответил я, собирая мятые бычки и мусор в ведро. Нафаня хлюпал носом и молчал, пока я наводил на кухне порядки.

Закончив, я заварил кофе и уселся на табурет. Окно было открыто, и Нафанин перегар постепенно выветривался. С улицы пахло весной и свежестью.

– Барин. Я не буду больше, – дух походил на виноватого

мопса, всю ночь развлекавшегося с хозяйским ботинком.

– Еще как будешь. Будто я не знаю. Убирай хотя бы за собой, – взглянув на часы, я чертыхнулся.

– Ох-ёж! Я на работу опаздываю. Блин, ладно, – хмыкнув, я бросился одеваться, оставив домового на кухне, осознавать свой проступок.

Работал я дизайнером в крупном агентстве. Платили неплохо, для холостяка без семьи вполне хватало и на поесть-попить и даже на погулять-чего купить.

После трудного дня занятого бесконечными разработками дурацких макетов и презентаций их начальству, я зашел в магазинчик рядом с домом. Купив себе пельмени и десяток яиц домовому, пару банок Гиннеса, минералки и «Беломор», пошел домой. У дома я по привычке посмотрел наверх и увидел, что с балкона на меня пялится Нафаня. Поймав мой взгляд, он юркнул обратно.

Ехидно улыбаясь, я поднялся наверх, подумав, что протрезвевшему домовому сейчас устрою Хиросиму. Но от возмездия меня отвлек тягучий аромат чего-то мясного и безумно вкусного. Живот тут же голодно заворчал. Вздохнув, я повернул ключ в замке и открыл дверь.

Аппетитный запах шел из моей квартиры. Я разулся, отложив пакет, и удивился отсутствию домового. Нафаня постоянно встречал меня с работы и, хватая из пакета пачку

Беломора, тащил продукты на кухню. Но в этот раз была тишина. Если не считать сладкого голоса Фрэнка Синатры, который пел из недр квартиры. Покачав головой, я пошел на кухню и, замерев на пороге, выронил пакет от открывшегося мне странного зрелища.

Нафания в белоснежной майке, украденной из моего шкафа, улыбался, стоя рядом со столом. Домовой благоухал, как цветочный луг, и я мысленно распрощался со своим одеколоном «Шоу одного мужчины». Обычно растрепанная шевелюра Нафани сейчас была старательно расчесана на прямой пробор, а сам домовой умильно смотрел на меня взглядом нашкодившей собаки.

Стол он заправил чистой, сияющей скатертью, на которой стояли две тарелки с полным набором столовых приборов и небольшая кастрюлька. В хлебнице лежал свежий хлеб, ну а венчало сие великолепие бутылка старого вина, которую я хранил для особенного повода.

– Ну, дела, – выдохнул я. – И что ты натворил опять?

– Чего сразу натворил? – буркнул домовой, чертя пяткой узоры на полу. – Извиняюсь я так, барин.

Подивившись этой картине, я пошел мыть руки. Нафания сопровождая меня, так сыпал извинениями, что я в итоге просто буркнул «забудем».

Домовой был сама галантность. Он деловито разлил жаркое из кастрюльки по тарелкам, наполнил бокалы вином, дав

тому немного подышать. И где только узнал.

Проглотив ложку жаркого, я замер. Вкуснее жаркого еще пробовать не доводилось. Даже мамин борщ пасовал перед кулинарным гением Нафани. Поэтому я с чистой совестью посвятил двадцать минут необыкновенному ужину.

Закончив, я приоткрыл окно, закурил сигарету и долил вина в бокал.

– Извинения приняты, чертушка, – я выдохнул колечко, за которым Нафания тут же погнался. Домовой обожал это занятие. – Ты настоящий шах среди кулинаров. Отдаю должное.

– Все для тебя, барин, – домовенок улыбнулся, выпустив из носа струю едкого дыма. – Ты же друг мой, как-никак.

– Как же. Друг, мотающий нервы дурацкими выходками, – припомнил я ему утренний дебош. Домовой насупился и мотнул головой:

– Прости, барин. Тут находка эта, да я маленький. Вот и напала грусть-депрессия.

– Выясним, что и как. Обещаю, – я улыбнулся и погладил домовенка по голове.

– Хороший ты, Андреюшко. Очень. Не то, что прежний мой сосед. Петька. Фу, – духа передёрнуло от отвращения.

– Мы обязательно все узнаем. Только заканчивай с дебошами. Мало радости квартиру после тебя в порядок приводить.

– Постараюсь, – Нафания шлепнул меня ладошкой по колену и, прыгнув, поплелся в гостиную.

Задумавшись, я сделал глоток вина и чуть не поперхнулся, когда взгляд упал на пакет из магазина. Я купил пельмени, ибо холодильник был пуст. Из чего тогда приготовлено жаркое? Домовой невидим и не может прийти просто так в магазин за мясом... Я заревел на всю квартиру:

– Нафаня! Откуда мясо?!

А злобный дух хохотал, качаясь на люстре.

Глава пятая. Новый питомец.

Нафаня с миной партизана не хотел сознаваться, из чего же было приготовлено злополучное жаркое. На него не действовали угрозы, мое шипение, даже расставание с яичницей домовой вынес стоически. Пока все не объяснил разговор с соседкой.

Стоя вечером у подъезда, я с улыбкой выслушивал очередную тираду моей соседки по площадке, Юлии Александровны. Дамой она была внушительных размеров и внушительного возраста, и я даже сомневался порой, а не приходится ли она родственницей Нафане. Впрочем, все наше общение сводилось к обычной пятиминутке, когда я шел домой с работы. Но в этот раз Юлия Александровна рассказывала удивительные вещи.

– Представляете, Андрюша. Сижу я дома, читаю Ги де Мопассана, и тут слышу, что на чердаке кто-то топает. И громко так. Потом грохот какой-то, будто ведро уронили. Я не вытерпела и вышла на площадку. Вдруг хулиганы какие или ремонтники опять кабели свои тянут. Выхожу, а люк-то на крышу открыт. И грохочет что-то...

– Так, и что это было? Удалось узнать? – спросил я.

– Да, ужас просто. Топот вдруг прекратился и тут из отверстия вылезает такой большой голубь, – грудь Юлии Александровны взволновано заколыхалась. – Голубь. Представ-

ляете? На меня посмотрел, курлыкнул и, закинув мешок за спину, исчез. Я домой, да глицеринчику под язык. Ох, страсть...

– Устали, наверное. Перепугались, – попытался успокоить я соседку. – Вот и привиделось нечто. Давление скачет, бури на солнце, воздух грязный. Причин может быть очень много.

– Ох, дорогой. И не говорите, да так реально все было. Ладно, не буду вас отвлекать. Но вы все же поаккуратней. Кто знает, вдруг и не привиделось, а? Всего хорошего, Андрюша.

– До свидания, Юлия Александровна.

Явившись домой, я сразу зажал Нафаню в углу и принялся выпытывать все подробности насчет того, кто шастал по чердаку в образе громадного голубя. Дух недобро сверкнул глазами и нехотя признался. Дело было так.

– Решил я тебя попотчевать ужином добрым, да вином сладким напоить, – начал домовенок. – А мяса как назло, дома-то нема совсем. Сначала я хотел соседку нашу обокрасть. Когда тут Петька жил, я так и делал. Украду продуктов у соседей и ужин готовлю. Петька все деньги пропивал.

– Так, оставим пока Петьку. Как ты жаркое приготовил, негодник? – не удержавшись, перебил я домовенка.

– Голубей пошел ловить. Впервой что ли? – усмехнулся Нафаня в ответ. – Распотрошил подушку, извалялся в перьях, прищепку на нос нацепил. И все дабы на них, окаянных, походить. Ох, барин. Хитрые они. Битый час их ловил,

пакостников. Обгадили они Нафане шерстку пометом своим зловонным, орали так, что их уже режут. Но штук пять я успел поймать. Вылез я обратно через дырку на площадку, а там эта стоит, соседка наша, которая дышит тяжело всегда. Увидела меня и за сердце схватилась. Тут мой черед пришел удивляться, почему она меня увидела. А тут вон оно как, я ж в перьях извалялся, чтобы на голубя походить. Да спрятаться забыл, старый балбес. Я сплюнул через плечо и исчез побыстрому. Все ждал, когда ты меня ругать за это начнешь. Но ты не думай, барин. Мяско хорошее, не заболеешь...

Не удержавшись, я рассмеялся, а домовой поняв, что ему ничего не грозит, улыбаясь, залез мне на колени.

– Ну, знаешь. Голубей я никогда не ел. Но на будущее, давай обойдемся без таких сюрпризов, – отсмеявшись, заявил я. На этом инцидент был исчерпан.

Нет, вы не подумайте. Нафаня любит животных. Хотя сам от них не далеко ушел. В старые времена слыли поверья, что домовые любят зверушек и любимой скотине заплетали косички, кормили вкусностями и прочей милостью одаряли. Мой озорной сосед не стал исключением и здесь.

Одним поздним вечером Нафаня принялся мотать мне нервы.

– Андрейка. Почему ты не заведешь зверушку? Ну, нельзя же так. Я домовой, мне нужно о ком-нибудь заботиться, – вопил дух на всю квартиру. Я отбивался, как мог..

– Наф, ты о себе позаботиться не можешь, что уж про зве-

рушек говорить. Кто сегодня возомнил себя великим скульптором и глиной заляпал мою гитару? – мой бедный Гибсон в углу молчаливо поддакивал.

– Художник так видит, – домовой пренебрежительно фыркнул, обдав меня волной вонючего дыма от папироски. – В планах у меня создать массивное полотно с тобой в главной роли. «Андрей убивает бедного Нафаню».

– Я тебе дам, полотно, – но духу было все равно. От своих целей Нафаня так быстро не отказывался.

– Андрюшка. Дай зверушку! – завыл он, раскачиваясь, как маятник, и показывая мне кукиш.

– Ладно. Будет тебе зверушка. Завтра пойду и куплю. На свое усмотрение. Только отвяжись. У меня проект горит. Когда его делать, если ты нудишь под ухом? – я выставил Нафаню из комнаты и засел за работу. Шеф не погладит по голове за сорванные сроки. Вздыхнув, я включил ноутбук.

Всю ночь, подкрепляя себя кофе, я без устали трудился. Домовой решил не мешать мне и носу не казал из своего шкафа. За что я был ему очень благодарен. Этот мохнатый эгоист требовал к себе внимания постоянно. И если его не замечали, начинал орать непотребные куплеты родом из своей жизни со старым хозяином Петькой.

В итоге, сохранив проект и скинув его на флешку, я позволил себе чашку чая. На часах моргала цифра, извещавшая, что сейчас четыре утра. А на работу в семь. Подумав, что за-

снуть не получится, я залез в интернет. Хмыкнув и гаденько улыбнувшись, открыл сайт по поиску питомцев и погрузился в изучение предложений. Предложений было много, но одно зацепило меня особенно.

«Так. Возраст... вес... цена. Годится» – подумал я и добавил вслух. – Зверушку, значит? Будет тебе зверушка.

Никогда не знаешь, каким может быть рабочий день. Он может быть легким, таким, что тебе придется сидеть и лениво просматривать развлекательные ресурсы, либо работать до седьмого пота и вести сразу несколько проектов. Тяжеский труд дизайнера. Тяжеский так, что я чуть не забыл зайти за новым питомцем, которого обещал Нафане.

После работы, старательно обходя лужи, я направился по нужному адресу. Это была одна из дорогих новостроек, неподалеку от центра. Здесь не жили простые рабочие или заезжие гости. Тут правят свой бал политики, известные люди, бандиты или просто богачи. Задумавшись, я нажал на домофоне нужный мне номер квартиры и, улыбнувшись консьержу, поднялся на девятый этаж.

– Вы в курсе, как за ним ухаживать? – спросила меня изящная мадам бальзаковского возраста, с неизящно торчащей сигареткой в углу рта. – Зверюшки очень требовательны в плане ухода.

– Конечно, – кивнул я. – Я прочел достаточно литературы. И надеюсь, что могу звонить вам, если понадобится совет.

– Обязательно, дорогой мой. Звоните смело, – женщина вздохнула и протянула мне коробочку. – Я дам вам немного еды для него. А потом сами купите.

Я улыбнулся и принял коробку в свои руки. Из нее доносилось легкое шуршание. Протянув деньги и вежливо откланявшись, я наконец-то направился домой.

В дверях квартиры, подпрыгивая и поскуливая, меня встречал Нафаня, одетый по такому случаю в майку с ликом магистра Йоды и словами «Андрей, быть юным падаваном опасно сейчас». Майку подарила мне одна из бывших пассий, но домовой смотрелся в ней особенно органично. Нафанино возбужденное лицо было очень похоже на Йоду. Я не преминул это заметить, но домовой спокойно пропустил колкость меж ушей и поторопил меня:

– Где, где зверушка, барин? Дай поухаживать, я так ждал. Аж спать не мог, весь счесался, – домовенок преданно смотрел на коробку в моих руках и облизывал толстые губы.

– Да. Сейчас. Вот и он. Знакомся – это Олег, – с этими словами я достал из коробки паука птицееда, приятного песочного окраса, размером с мою небольшую ладошку. Насекомое задумчиво привстало на задние лапки, смотря на Нафаню и его отвисший рот.

Нечеловечий визг сотряс квартиру и, кажется, что уличным машинам тоже слегка досталось. В мгновение ока Нафаня оседлал люстру и, чуть отдышавшись, заорал:

– Кретин, debil, имбецил, олигофрен... – поток ругательств не иссякал. Я же смеялся и ждал, когда Нафаня уgomонится. Паук меланхолично забрался в коробку, явно не собираясь выслушивать вопли домового.

– Кого ты принес?! Это же паук гигантский! Я от них избавляюсь, а он в дом тащит. Тьфу, пакость, срамота, – духа вновь понесло в ругань. Он сидел на люстре, отчаянно грозя кулачком.

– Наф, спускайся. Посмотри, какой он классный. Какой пушистый, – я почесал спинку паука пальцем. Специально выбрал самую флегматичную породу. Мне не хотелось испытать на себе его яд и клыки.

– Нет. И не проси. Я вообще уйду из дома, если ты не уберешь эту мерзость. Или он или я! – воскликнул домовой и демонстративно замолчал.

Я пожал плечами и понес Олега в свою комнату, где стоял найденный на балконе, заранее отмытый и подготовленный аквариум. Устроив ему убежище, и заботливо кинув пару экзотичных червячков, я улыбнулся и отправился на кухню, игнорируя ворчащего домового на люстре.

Заварив кофе, я спокойно поужинал в одиночестве и тишине, что не могло не радовать. Вспомнив, как Нафаня собрался сбежать, я не сдержал улыбки. Знал бы, сразу принес бы домой паука, а не прибегал к помощи заговоров и священников.

– Он здесь? – осторожно спросил Нафаня откуда-то свер-

ху. Я поднял голову и прыснул со смеху. Домовой сидел на холодильнике в моей зимней шапке, сапогах и держал в руках незаряженное ружье для пейнтбола. Я отсалютовал ему:

– Чудовище почивает, мон женераль. Хаос сдался и готов к переговорам.

– Дурной ты, барин, – шикнул на меня домовенок. – Аспида энтого да в дом. Эти лапки, брюшко, глазки горящие. Тьфу!

– Ааа! – заорал я внезапно – Нафаня, он слева!

Домовой после этих слов пулей взлетел еще выше и забился в газовые трубы под потолком. В темноте злобно мерцали два глаза, да дуло ружья перемещалось по дуге. Перестав сдерживаться, я захохотал.

Утром домовой слегка изменил кухню.

Нафаня устроил небольшой бункер и передвинул мойку к окну. На полу лежала банка тушенки, бутылка водки и пепельница полная окурков. Дух явно развлекался ночью. На двери застыли зеленые пятна краски от ружья. Домовой, увидев ночью тени, жестоко расстрелял все, что казалось подозрительным. Я мысленно дал себе зарок, разряжать ружье после поездок на пейнтбол с друзьями.

– Нафаня. Ты где? – тихо спросил я, боясь спугнуть домовенка. Пока в голову не ударился шар с краской. В итоге большая часть моих волос покрылась липкой зеленью. Мерзкое хихиканье донеслось с холодильника.

– Нафаня не дурак. Нафаня ловушка делать! – прошептал

он.

– Ай. Больно же. Ты чего? – возмутился я, хватая полотенце и пытаюсь вытереть краску. Не помогло. Полотенце сразу превратилось во флаг нурглитов.

– Не притащил бы аспида домой, не пришлось бы страдать, – с миной философа ответил Нафаня.

– Так. Слушай. Уговор был? Был. Я купил паука. Он неприхотлив, сидит в аквариуме, жрет нечасто, ухода почти не требует. Все, – ехидно ответил я, стоя в центре кухни.

Нафаня многозначительно почесал подбородок дулом ружья и снова забрался в трубы под потолком.

На работе я сообразил, что поступил несколько опрометчиво, оставив домового одного с пауком. Ладно, деньги. Зверушку жалко, если Нафаня со страха выкинет того в окно на бабушек у подъезда или еще чего учудит.

Досидев, как на иголках до конца дня, я бегом помчался домой. Прохожие недоуменно провожали меня взглядом, когда я взлетал в воздух, перепрыгивая лужи. И только у подъезда я смог перевести дух. Соседки на лавочке мило мне кивнули. Мысленно поблагодарив небеса, что Наф не додумался выкинуть паука, я быстро поднялся.

– Нафань. Я дома, – в коридоре было непривычно тихо. Сердце сдавила тяжесть. Неужели ушел, как обещал? Зайдя в комнату, я проверил аквариум. Пусто. Паука в нем не было.

Но на кухне меня ждал сюрприз. За столом сидел Нафаня,

перед домовым стояла банка огурцов и полупустая бутылка. Напротив домового, на столе, сидел птицеед. Нафаня, деловито наклонившись, почесывал спинку паука, иногда отрываясь на то, чтобы принять очередную стопку.

– Олежка, ты прости меня. Ну, дурной. Ты добрая зверушка. Я вон тебе и косичку заплел, – действительно, в центре брюшка торчала соломина, видом похожая на небрежную косичку. – Это барин правильно сделал, что тебя принес. А я вон орал на него. Тебя люди пугаются, меня тоже. Ты меня не боишься, я тебя тоже. Собеседник ты, ик... потрясающий.

В порыве нежности Наф чмокнул паука и, поморщившись, сплюнул на пол волоски. Заметив меня, дух завыл и кинулся мне в колени:

– Андреюшко... друг мой ситный. А мыы воот, ик... Подружились. Я, правда, его выкинуть хотел в окно, ик... но он так посмотрел глазками своими... ик... – не закончив, Нафаня улыбнулся, всхрипнул и рухнул на пол. Олег меланхолично поежился, словно его ничего не волновало.

Вздохнув, я отнес храпящего домового в гостиную и уложил в кресло, прикрыв пледом с диванчика. Вернулся на кухню, заварил чай и отнес Олега обратно в аквариум.

– Вот кто бы мог подумать? Видимо у домовых это в крови. Любить зверушек. Даже таких, как ты, Олег. Хорошо, что все хорошо закончилось, – хмыкнул я, смотря, как паук укладывается спать. Зевнув, я вышел из комнаты, чтобы проверить домового. Тот чмокал во сне, улыбался и несвяз-

но бормотал:

– Олег. Привет, Олег. Вот мы теперь... ммм... втроем. Я, Андреюшко и Олег. Девочку бы еще Андрейке. Ммм.... Унучиков хочу понянчить... ммм, – Нафаня замолчал и через секунду снова захрапел. Да, уж. С таким соседом точно скучно не будет.

Глава шестая.

Аристократические замашки.

Мой маленький сосед оказывается очень ранимый и чувствительный, как сто мягких игрушек. Нафаня любит внимание и если маленького духа не баловать этим редким подарком, то он начинает обижаться. Как Нафаня чудит, вы уже в курсе. Однако помнить об этом следует всегда.

Утром двадцать третьего февраля, я проснулся с гнетущим чувством, что должна случиться какая-то пакость. В моей комнате все находилось на старых местах. Кроме аквариума, в котором жил птицеед Олег, напугавший Нафаню до паранормального тика. Что, впрочем, не помешало духу в дальнейшем очень крепко полюбить волосатого питомца. Это я про Олега.

Зверушку пришлось отдать на содержание знакомому арахнолюбу Павлику, который не глядя отвалил за паука втрое большую сумму, чем я заплатил первоначально. Олег требовал ухода, а Нафаня через два дня наотрез отказался кормить паука, как должно, пытаясь подсунуть копченую колбасу. Но история не про паука, а про внимание к домовому.

То утро было сырым и холодным. С трудом выбравшись из теплой кровати, я потопал умываться, не удивляясь тиши-

не вокруг. Вчера вечером Нафаня снова бузил. Поругался со мной, залез на холодильник с бутылкой виски и украденной у меня пачкой Chancellor, которые начал курить после того, как просидев полчаса над своей фотографией из детства, заявил:

– Барин, родители-то мои благородные люди и я получаюсь – аристократ. Значит, я буду курить только изысканные сигареты и пить дорогое спиртное.

– Нафань, ты прости, но в тебе ни капли нет аристократии. Ты волосатый грубиян, плюющий на голову соседям из окна и устраивающий дебоши. Аристократы себя так не ведут, – парировал я. На что получил целый ушат ругани от аристократичного домового.

– Смерд, – Нафаня выпучил глаза и смачно выдал длинную и громкую отрывку – Как смеешь ты обращаться со мной подобным образом. Я тут теперь барин!

– Ты же рыгаешь, прости Боже, как последний холоп. Благородным господам не пристало так себя вести, Наф.

– Поскольку я славный и гордый аристократ, – понесло Нафаню, – отныне ты будешь проявлять ко мне больше уважения. Иначе я высеку тебя ночью розгами и посажу на цепь!

– Вот поскольку ты славный и гордый, то иди и зарабатывай деньги на свои напитки и сигареты сам, – возмутился я. Домовой почесал свой зад и, встав, молча удалился. При этом стараясь ставить одну стопу на линии с другой, как благородные аристократы, дабы заметнее была легкость поход-

ки. Ничего из этого не вышло. Запутавшись, Нафаня грохнулся в коридоре и, вскочив, быстро помчался в туалет под аккомпанемент моего ехидного смеха.

Этим утром пахло пакостями, которые не заставили себя ждать. Зайдя в помещение, я увидел самозваного аристократа, спавшего на холодильнике. У домового был открыт рот, из которого свисал длинный язык, и текли слюни. Я демонстративно прошел мимо, сдерживаясь, чтобы не дернуть за язык, и поставил на огонь чайник. Затем, закулив сигарету, приоткрыл форточку и задумался о своем. Задумчивость испортил очень громкий чих и ворчливая брань. Нафаня проснулся. Я включил радио и под звуки вальса наблюдал, как кряхтит потомственный аристократ, пытаюсь слезть с холодильника. Спокойно слезть не удалось и Нафаня растянулся на полу:

– Андреюшко, это не смешно. По этикету упавшему домовому нужно подать руку и порадовать хлебом-солью. И яишенкой.

Страсть домового к яичнице давно известна. Однако Нафаня, умеющий готовить сотни различных блюд, почему-то больше всего любил мою яичницу.

– По этикету упавшему домовому нужно вызвать экзорциста, дабы провести обряд изгнания мелкого пакостника из дома, а затем угостить парой тумачков на дорожку, – ехидно вставил я.

– Фу на тебя! Холоп, – Нафаня высунул длинный язык и

угрожающе забубнил. Впрочем, на меня это не действовало. Привык уже.

Демонстративно хмыкнув, я стал жарить яичницу, краем глаза смотря за императором в замусоленной майке. Тот алчно уставился на сковороду, плюющуюся горячим маслом, от восторга забыв спрятать язык. Сдерживая желание дернуть его за язык, я поперчил и посолил яичницу. Выложив на тарелку, налил себе горячий чай и, усевшись за стол, начал трапезничать.

Нафаня не в силах это вытерпеть, залез на табуретку напротив и стал гипнотизировать меня жалобным взглядом иногда вздыхая, как бурлак, тащащий здоровенный нефтяной танкер. Я, смотря в глаза домовому, аккуратно прибрал остатки яичницы кусочком хлеба и с наслаждением все доел.

Тяжкий вой разнесся на кухне. Мохнатый предводитель дворянства безобразно бился в припадке на полу, обиженно гнуся:

– О горе мне. У, бисов барин! Все сожрал, все слизал, Нафанюшку обделил, корки черствой пожалел! – он принялся кататься по полу и лягать табуретку ногами.

– Может, просто извинишься? – предложил я, спокойно попивая кофе и наблюдая за истерикой.

– Не мне поклоняться безродному холопу, – провыл Нафаня, утирая слезы грязной майкой. – Высеку тебя, Андреюшко за такое! Ей-богу, высеку. Яишенку пожрал! Нафа-

нюшку обделил.

– Как хочешь. Только извиняться все равно придется, – сдерживая смех, я пожурил домового пальцем. – Мне пора на работу, деньги нам зарабатывать. Ведите себя хорошо, ваше высочество. Вы домовый, защитник дома, а ведете себя, как капризное дитя.

Нафаня, насупившись, хмыкнул и, повесив голову, поплелся в туалет.

Работать мне не хотелось, праздник же, однако доделать проекты надо. Сидя в пустом офисе, я оперировал обтравочными масками, фильтрами, наложениями, слоями и уровнями. Тяжек хлеб дизайнера, который раз говорю я вам. В итоге, закончив горящий проект, я потянулся и посмотрел на часы. Время пролетело ужасно быстро, как всегда и бывает, если чем-то сильно занят. Пора было идти домой к зазнавшемуся духу.

По дороге я зашел в магазин рок-атрибутики и купил там майку Cannibal Corpse стильного черного цвета. Домовой любил неожиданные подарки. На сдачу я захватил кулон с египетским крестиком. Нафаня, как ворона, так же любил все блестящее.

Придя домой и, открыв дверь ключом, я тихо позвал духа: – Ваше сиятельство. Соблаговолите встретить слугу вашего нерадивого.

Ответом вновь была тишина. Я разделся и, бросив пакет с майкой в комнате, пошел на кухню. А открыв дверь, поне-

воле разинул рот от удивления.

На подоконнике, обнимая чашку с горячим кофе, сидел грустный Нафаня.

– Наф, ты чего? – опешил я. – О кусочке Польши мечтаешь?

Увидев меня, домовый пулей слетел с подоконника и, вцепившись в ногу, протяжно заныл. Я бережно поднял чумазого духа и прижал к груди.

– Ну что такое? Что случилось, мой зловонный принц? – в ответ на это Нафаня завыл еще сильнее.

Битых полчаса я пытался успокоить домового. Уговорами и поглаживаниями, я все-таки добился своего. Нафаня, хоть и продолжая хлюпать носом, сподобился ответить:

– Андреюшко. Я такой паскудник. Старый бис. Вот дернуло же считать себя аристократом. А я просто хотел твое внимание привлечь. Ты постоянно на работе. Вот. А Нафанюшка один дома страдает, стены грызет в припадках от скуки смертной.

– Наф, я же деньги зарабатываю. Жить нужно на что-то.

– Да, я знаю. Раньше мы вон веселились, нашли тайник. А теперь ты забросил меня. Андреюшко... я тебе не нужен? Скажи, а? – Нафаня шмыгнул носом и умильно заглянул мне в глаза.

– Дурилка, – я ласково улыбнулся и вновь взял домовенка на руки. – Бросишь тебя, как же. Ты же мой друг. И у меня есть для тебя небольшой подарок, хоть ты, балбес, постоянно

меня доводишь до белого каления.

Дух вырвался из рук и глаза его алчно загорелись. Даже нечистая сила любит подарки. Что уж там. Я сходил в комнату и, вернувшись, протянул Нафане пакет с майкой. Развернув его, домовенок потрясенно замолчал. Волосатая губа предательски дрогнула и Нафаня заревел.

– Барин подарил Нафу рубашку. Нафаня любит барина, – быстро переодевшись, он бросил грязную майку в мусорное ведро. Теперь на нем красовалась черная майка с цветным вокалистом любимых Каннибалов, который скалился и показывал язык. Один в один, как Нафаня. Дух спрыгнул с табуретки и достал из-за спины маленький сверток:

– Это тебе, барин. Ты... это... извиняй.

Я с любопытством развернул бумагу и увидел маленький рисунок, вправленный в рамочку. На рисунке был я, а рядом сам домовый, похожий на гремлина Гизмо из старого фильма. Ну а надпись невольно заставила улыбнуться, – «С праздником Ондрей».

Забота друг о друге – лучшее лекарство от ссор. Особенно если твой друг – вредный домовый.

Глава седьмая. Панк, как образ жизни.

Представьте домового, упоенного лупящего панк-рок на электрогитаре, и поймете, что ожидает меня в моменты грусти от Нафани. Но не только это. Иногда он совершает невероятно глупые поступки...

Возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, я услышал еще у подъезда, как заливается свистом перегруза моя электрогитара. Нафаня! Зло хмыкнув, я пулей взлетел по лестнице, представляя, как намылю голову домовому. Открыв дверь в квартиру, меня чуть не снесло настолько энергичным панк роком, что волосы встали дыбом, а сердце ухнуло вниз. Из комнаты, в тон реву гитары, вторил визгливый голосок, выводящий адский кавер на песню Бригадного Подряда:

– Ааааа... Я хочу быть, как Грин Дэй!

Но не буду я Грин Дэм.

Ведь зовут меня Андрей,

Как же плохо быть Андреем!!!

Ворвавшись в комнату, я увидел, что Нафаня сидит на краешке дивана спиной к двери. На коленях маленького домового лежала моя электрогитара. Дух усердно лупил по струнам и, закрыв глаза в благоговейном экстазе, жег панк-

рок.

– Нафаня! Зараза! Выруби немедленно! – завопил я, пытаясь переорать домового. Наф меня не слышал, но учитывая, какой у домового слух, я сильно сомневался в этом. Подбежав к комбику, я дернул шнур питания из розетки. Вой тут же прекратился, а домовый, тяжело дыша, смотрел на меня горящими глазами.

– Ты, блин, Хэммет недоделанный. Ты что себе позволяешь? Соседи-то думают, что я живу один. А тут концерт, аж стекла трясутся, – я зло покосился на домового, убирая гитару в чехол. Тот в ответ обиженно надул толстые губы.

– Не понимаешь ты суть панка, Андреюшко. Знаешь, кто ты? Ты обычный позёр. Моешься, чистенький весь. Без протеста, – закуривая «Беломор», пафосно изрек Нафаня. – Вот, что ты слушаешь? Зарубежку ятую. А нужно слушать Цоя, БГ, Наутилус. Классику... ай... ты что делаешь? Отпусти меня!

Зарывав, я схватил домового за шкурку и потащил в ванную. Нафаня упоенно царапался, кусался, ругался матом, периодически булькая, если вода попадала в рот. Я смеялся и раз за разом намыливал заросшего грязью домового.

– Позёр, значит? Сейчас и тебя искупаем, – приговаривал я, выдавливая на голову Нафане шампунь. – Чистим-чистим трубочиста.

– Аспид... буль... какой ты барин... блюб, хлюп... пф...

уф, холоп... бульб... паску...пф... хватит... ульк... – вырывался домовый, но я держал крепко. Не хватало только забойного саундтрека.

Таковы водные процедуры, которые злой дух органически не переваривает. Суть купания Нафани сводится к тому, чтобы поймать ничего не ожидающего домового и как можно быстрее затащить его в ванную.

Я накинул на кипевшего яростью домовенка, полотенце. Нафаня позволил вытереть свою шерстку и даже облачился в свежую майку. Но придя на кухню, он закурил папироску и, повернувшись, несказанно удивил меня своей речью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.